

Собственноручно приготовленное... Неужели это всего лишь молоко, которое кипятили в кастрюле, а потом вылили? Если бы ты сам это сделал, я бы выпил всё до последней капли!

Бай Ицин внутренне возмущался, но вслух произнёс мягким голосом:

— Помимо этого рыбного привкуса... кхе-кхе... никакого вкуса нет... Пить это действительно неприятно...

Закончив фразу, он подмигнул собеседнику, показывая свою слабость.

Выражение лица Гу Яньшу было странным, будто он не понимал, о чём идёт речь. Спустя паузу он произнёс:

— Я уже добавил много сахара, больше нельзя.

Сахар? В молоко?! Как это странно...

Бай Ицин сглотнул слюну и, опустив голову, продолжил есть, не желая поднимать взгляд... Лапша в его тарелке была куда вкуснее... По крайней мере, гораздо лучше, чем это горячее молоко!

Он прислушался к звукам, доносящимся из кухни, где, судя по всему, Гу Яньшу встал и направился туда с тарелкой. Пользуясь моментом, Бай Ицин быстро доел и уже собирался улизнуть, но, сделав первый шаг, столкнулся с возвращающимся Гу Яньшу.

Кажется, они стали воплощением поговорки «на повороте встретил любовь»...

Гу Яньшу слегка нахмурил брови и с недоумением спросил:

— Что ты делаешь?

— Э-э... Я хотел помочь тебе, но ты как раз вернулся, — смущённо улыбнулся Бай Ицин и снова сел на место.

Его руки беспокойно сжимали брюки, а сам он нервничал из-за лжи.

Гу Яньшу посмотрел на него несколько секунд, но ничего не сказал, молча пододвинув к нему чашу.

— Знаю, что тебе не хочется, но это помогает от кашля. Выпей хоть немного.

С этими словами он встал и ушёл.

Бай Ицин смотрел ему вслед, пока тот не скрылся в комнате, а затем перевёл взгляд на стол.

В чаше оказалось вовсе не горячее молоко... а...

— Груша с кристаллическим сахаром?

Целая груша, вычищенная изнутри, была наполнена карамельного цвета сиропом, а по краям чаши плавали кусочки размягчённой мякоти, блестящие на свету.

Бай Ицин зачерпнул ложкой кусочек груши и отправил его в рот. Мягкая, сладкая, с сочной мякотью, она взорвалась во рту свежим вкусом груши. Это... он тоже приготовил?

Он заглянул в кухню и увидел в мусорном ведре очищенную кожуру груши. Значит, это действительно его рук дело. Судя по цвету сиропа, он варил его довольно долго.

В кухне, помимо керамической чаши с грушевым сиропом, стояла кастрюля с давно томящимся куриным бульоном.

Бай Ицин приподнял крышку, и его обдало ароматом курицы. Внутри была лишь половина курицы, а мясо с ножек и грудки уже отделили.

Судя по характеру Гу Яньшу, всё это он приготовил сам. Бульон был молочно-белого цвета, а достичь такого оттенка можно лишь после нескольких часов варки. Значит, даже если бы он сегодня не предложил приготовить ужин, Гу Яньшу всё равно бы это сделал?

— Так что... могу ли я позволить себе подумать, что ты специально приготовил это для меня? Ты сегодня так рано вернулся домой только для того, чтобы сварить мне суп?

Бай Ицин слегка улыбнулся, лениво помешивая грушевый сироп.

Человек, который час назад говорил «не люби меня, это бессмысленно», теперь принёс ему сироп, приготовленный своими руками. Это действительно...

Бай Ицин покачал головой, тихо посмеиваясь. Такой хороший человек... Не любить его, кажется, невозможно. Он думал, что это будет тяжёлой задачей, но, похоже, он сам начал испытывать чувства. Что за чушь?

Неуклюжий и гордый, милый и отстранённый. Этот человек... заставлял его чувствовать, что он не хочет уходить.

Бай Ицин осторожно ел грушевый сироп, ощущая, как сок взрывается во рту. Это приготовил тот самый гордец, и нельзя было позволить себе расточительство.

Он пил сироп с осторожностью, боясь пролить хоть каплю. Прошло немало времени, прежде чем чаша опустела. Бай Ицин собрал посуду и поставил её в раковину, но тут... он заметил на

термосе надпись: [Гу Яньшу: Не забудь выпить. Бай Ицин.]

Бай Ицин стряхнул воду с рук и с любопытством открыл термос. Его обдало ароматом молока... Внутри был полный термос... белой жидкости...

Бай Ицин: «...»

Я беру свои слова обратно. Сейчас я очень хочу уйти, очень! Зачем я вообще на нём женился? Этот человек совсем не милый!

После этого случая Гу Яньшу стал возвращаться домой рано и редко пил вне дома. Логично было бы предположить, что они будут видеться чаще, и их отношения станут ближе. Однако Бай Ицин чувствовал, что они, наоборот, отдалились друг от друга, и, кажется, Гу Яньшу намеренно избегал его.

Каждое вечернее молоко напоминало ему, что в доме ещё есть кто-то, но других признаков присутствия не было.

Сегодня, вернувшись домой, Бай Ицин столкнулся с Гу Яньшу. Он слегка улыбнулся и поздоровался:

— Ты как раз выходишь.

Тот лишь холодно кивнул:

— Угу.

Затем повернулся и ушёл в свою комнату. Бай Ицин успел заметить лишь чёрный край его одежды и холодный взгляд, а затем услышал звук захлопнувшейся двери, оставившей его одного в комнате.

Что это было? Кислота? Горечь? Или что-то ещё? Он не мог понять. Это чувство было похоже на то, что он испытывал, когда умерла бабушка, но всё же отличалось. Тогда это была тоска и боль, но сейчас... это было скорее нежелание отпускать?

— Почему я так думаю?

Бай Ицин был шокирован своими мыслями. Он не понимал, что происходит в его душе, и не мог разобраться в своих чувствах.

Гу Яньшу поступал так, чтобы намеренно отдалиться от него. В ту ночь он уже сказал, что их брак не продлится долго. Всё это было причиной и следствием, и если ребёнок родится, всё должно закончиться.

Он поднял взгляд, и его глазам предстала пустая комната и тёмное небо за окном. Слабый свет

освещал город, а не небо, и свет луны был лишь отражением солнца.

Бай Ицин открыл термос, и молоко внутри всё ещё было тёплым. Он поднёс его к носу, и аромат молока наполнил его ноздри. Он выпил молоко с каменным лицом. Возможно, он уже привык, и теперь оно не вызывало у него такого отвращения, как раньше.

Он прижал руку к груди, и в его глазах отразились разные эмоции. Теперь он понимал, что чувствовал: это было нежелание отпускать. Он начинал привыкать к Гу Яньшу.

Он не был уверен, была ли это любовь, но симпатия определённо присутствовала. Ему нравилась скрытая за гордостью нежность Гу Яньшу, его врождённая забота и внимание.

Он потрогал шею, где находился подавляющий ошейник. На этом месте когда-то был след от его укуса, но со временем рана исчезла.

— Шрам исчез, но почему в моём сердце всё больше смятения?

С момента их первой встречи прошло уже полгода, но они знали друг друга всего три месяца. Как он мог так быстро привязаться к человеку? Возможно ли это?

Оказалось, что возможно...

Бай Ицин подошёл к дивану, сел, скрестив ноги, и подпер голову рукой.

Он никогда не считал свою жизнь трагичной. Просто отец не любил его, мать не заботилась, и он рос без семьи. Но его жизнь была довольно успешной: через пять дней после смерти бабушки он получил поддержку от семьи Гу, и каждый месяц получал немало денег, живя лучше, чем при бабушке.

Но всё же он не имел семьи и любви, поэтому он жаждал чужой заботы. Из-за этого он привязывался, а из-за привязанности возникали странные чувства...

— Чёрт, что за дурная привычка!

Бай Ицин ругал себя, сидя на диване.

— Если говорить красиво, это называется «недостаток любви», а если грубо — просто глупость. Нет, это точно не причина, надо найти другую!

Он вытянул ноги, лёг на диван, оставив одну ногу снаружи, и уставился в потолок, разговаривая сам с собой:

— Бай Ицин, Бай Ицин, как ты мог так быстро привязаться к человеку? Это был порыв страсти или ты просто увлёкся его красотой?

Он не верил в любовь с первого взгляда, поэтому решил, что, возможно, это было...

<http://bllate.org/book/15562/1384877>